

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДОГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ КРИТА

В течение последних двадцати лет не прекращаются попытки расшифровать памятники критской письменности. Это и понятно: в одном Кноссе найдено около 1600 надписей; отдельные надписи, написанные теми же письменами, найдены на Кипре, на северном и восточном побережье М. Азии, на Кикладах, в Беотии, Аттике, Ароглиде (отчасти уже Шлиманом, в 1870 г. и позже), а в 1939 г. в Пилосе, в Мессении Блеген и Куртионитис нашли около 600 надписей, написанных теми же письменами. Крит был колыбелью греческой культуры, и естественно ожидать, что дешифровка критских письмен откроет новую и притом важнейшую страницу древнейшей греческой истории. Поэтому упорство ученых, стремящихся во что бы то ни стало расшифровать эти письмена, вполне понятно. К сожалению, из найденных надписей до сих пор опубликована лишь незначительная часть: в 1909 г. Эванс (Evans) в своем издании «*Scripta Minoa*» опубликовал 122 надписи, написанные иероглифическим письмом и древнейшим линейным (так наз. «письмом А»); в 1915 г. несколько критских надписей опубликовал G. M a g a h i a n n i s в книге *Antiquités Crétoises*, табл. XXXIX; в 1935 г. Эванс во 2-ой части IV тома «*The Palace of Minos*» опубликовал около 200 надписей, написанных преимущественно поздним линейным письмом XV—XIV вв. до н. э. («письмо В»¹). Несколько десятков надписей бухгалтерского характера опубликовал в результате своей поездки на Крит финский ученый И. Сундвалл в 1932² и в 1936 г.³

Если все эти памятники не дают никакого представления о том, как звучат соответствующие слова критского языка, то опубликованный Врешинским⁴ и затем переизданный Питом⁵ египетский медицинский папирус принес нам текст на критском языке, транскрибированный египетскими иероглифами (в египетском письме не было особых знаков для гласных и они передавали их в иностранных текстах знаками придыхания;

поэтому египетский знак мы транскрибируем как *a*, египетский знак как *e*, а вместо *j* и *w* пишем *i* и *u*). Здесь читается согласно Боссерту (ниже, стр. 72 прим. 4): «Заклинание против азиатской болезни на языке Крита (Kaftô): *Santi Kapuri waj ia j menti rakakar* (или, так как египетский язык не имел знака для *l*—

¹ Так наз. фетского диска я здесь не касаюсь, ибо он скорее всего завезен на Крит случайно. В виду трудностей, связанных с воспроизведением знаков критского письма, мы заменили их указанием взятых в скобки №№ знаков «письма В» по Эвансу. В прилагаемой таблице I читатель найдет начертания соответствующих знаков. Знаки кипрского силлабария читатель найдет в той же таблице, рядом с соответствующими критскими.

² J. S u n d w a l l, *Minoische Rechnungsurkunden*, Helsingfors, 1932 (Societas Scientiarum Fennica, Commentationes Humanarum Litterarum. t. IV).

³ J. S u n d w a l l, *Alt-kretische Urkundenstudien Abo*, 1936 (Acta Academiae Aboensis, Humaniora).

⁴ W r e s z i n s k i, *Der Londoner medizinische Papyrus*, 1912.

⁵ Т. Е. Пеет, *Essays on Aegean Archaeology* (Сборник в честь Эванса), Oxford, 1927, стр. 90—99.

lakakul). Это изречение произносят над пеной напитка, находящегося в состоянии брожения, над мочой и соком (благоуханного) растения. Так поступать».

В 1939 г. были впервые опубликованы результаты раскопок, произведенных С. W. Blegen и К. Kurionitis недалеко от мессенского Пилоса¹. Они обнаружили здесь позднемикенский дворец, в котором в числе прочих предметов, было найдено около 600 глиняных табличек, совершенно сходных с найденными в Кноссе и написанных тем же линейным шрифтом. Естественнее всего было ожидать, что эти надписи позднемикенской эпохи окажутся написанными на греческом языке; это давало надежду на то, что благодаря им будут расшифрованы и надписи на критском языке. Кречмер² писал по этому поводу: «Новые находки табличек из мессенского Пилоса, написанных минойским шрифтом, как можно надеяться, облегчат дешифровку минойских надписей». Как мы увидим, эти ожидания не сбылись.

Из многочисленных попыток дешифровки этих памятников (часть попыток носит, повидимому, совершенно фантастический характер³) наиболее серьезными являются прежде всего, работы Перссона⁴. Для Перссона исходным пунктом явился кипрский силлабарий, применявшийся на Кипре для написания греческих текстов еще в V—IV вв. до н. э. На Кипре и в языке, и в религии, и в географических названиях сохранилось наибольшее количество следов критско-микенской культуры; с другой стороны, целый ряд знаков критского письма совпадает (или очень сходен) с соответствующими знаками кипрского силлабария. Каждый знак кипрского силлабария служит для обозначения открытого слога (согласный + гласный); для звонких согласных (g, b, d) нет особых обозначений, и они передаются через k, p, t. Отдельными знаками гласные звуки обозначаются только в начале слова. Носовые согласные в конце слова вовсе не обозначаются.

Письмо это не приспособлено для греческого языка и породило ряд трудностей. Ясно, что это письмо не могло быть придумано для греческого языка: в греческом языке слоги очень часто начинаются с двух и более согласных звуков, а также кончаются на согласные. Если бы это письмо было придумано греками, они, несомненно, придумали бы особые обозначения для согласных, стоящих в таких положениях (см. ниже, стр. 79). Далее, в пользу того, что и критское письмо было силлабическим, говорит и то обстоятельство, что, кроме идеограмм, линейное письмо В имеет 83 знака, т. е. примерно столько же, сколько и кипрское; при этом из 65 знаков кипрского силлабария *по меньшей мере* 20 имеют очень близкие прототипы в критском письме⁵.

Все это заставило Перссона предположить, что кипрский силлабарий явился лишь дальнейшим развитием и видоизменением критского письма. Но отсюда следует, что в критском письме, для которого эти силлабические знаки были изобретены, все слоги были открытыми, т. е. кончались гласной и начинались с одной согласной, или состояли только из одной гласной, так что здесь, как правило, за каждой согласной следовала гласная; назализация гласной на письме вовсе не обозначалась.

Исходя из этих принципов, Перссон (стр. 19 указанной работы) очень остроумно прочел вторую строку в приводимой им критской надписи: (58) (60) (58)—||.

¹ Excavations at Pylos, AJA, XLIII, 1939, стр. 564—569; ILN, № 5224, 3.VI, 1939 г., стр. 979—981, 1006.

² Glotta, 28 (1939), стр. 110.

³ Работы S t a w e l l, A Clue to the Cretan Scripts, Bell, 1931, пытающейся расшифровать критские надписи как написанные на греческом языке, и G o r d o n, Through Basque to Minoan, Oxford, University Press, 1935, известны мне только из статьи Ventris (см. ниже), который дает этим работам резко отрицательную оценку.

⁴ Наиболее важная—A. W. P e r s s o n, Schrift und Sprache in Alt-Kreta, Uppsala Universitets Årsskrift, 1930, Program 3.

⁵ A. J. E v a n s, The Palace of Minos, т. IV, ч. 2, стр. 762; M. G. F. V e n t r i s, Introducing the Minoan Language, AJA, XLIV (1940), стр. 507; P e r s s o n, ук. соч.

Последние три знака—цифра 12¹, знаки (58) и (60) имеют такой же вид в кипрском силлабаре; слово (58) (60) (58) читается *ta-pe-la*. Слово $\tau\alpha\pi\eta\tau$ -($\tau\alpha\pi\eta\varsigma$, $\tau\alpha\pi\eta\tau\omicron\varsigma$) встречается уже у Гомера и означает «ковер»; это слово не греческое и не индоевропейское (в новых языках оно взято из греческого); повидимому, вместе с рядом других слов оно заимствовано древними греками с Крита. К выводу Перссона присоединились авторитетнейшие ученые, например, Бранденштейн².

Здесь же Перссон дал очень остроумную дешифровку греческой надписи из Асины в Арголиде примерно XII века, написанную письмом средним между критским и кипрским силлабарием. Исходя из сходства знаков этой надписи с кипрским силлабарием, он прочел здесь: «О Лимнория, Ианасса и Кимо (известные имена нимф), в (храме) Посейдона меня посвятил вам...» (говорит сосуд). Это чтение также нашло широкое признание в науке; его принимает такой крупный специалист, как М. П. Нильсон в его книге «*Homerg and Museae*», London, 1933, стр. 78³. Если эту попытку признать удачной, то мы получаем новое доказательство того, что критское письмо надо дешифровать на основании кипрского силлабария.

Ввиду отсутствия какого бы то ни было материала для суждения о том, как звучали слова критского языка, особое значение получает заклинание на критском языке в египетском медицинском папирусе, о котором мы говорили выше, стр. 70—71. Очень интересна попытка разобрать его, предложенная Боссертом⁴ и поддержанная Бранденштейном в уже цитированной статье в RE, стб. 204. Боссерт исходит из того, что, как «поясняет египетский автор, при произнесении этого текста должны пениться: пенный напиток, моча и сок благоуханного растения. Последнее слово, которое он читает с полным правом *lakakal*, он сопоставляет с глоссой Гесиchia $\lambda\eta\lambda\eta\tau\iota$. $\acute{\alpha}\rho\rho\acute{\iota}\varsigma\tau\iota$, т. е. «пенится». Он указывает, что на ряде критских ваз имеется надпись (21) (101) (101) (54). Так как (21) изображает двойную секиру, $\lambda\acute{\iota}\beta\beta\omicron\varsigma$, а начальный слог этого слова—*la*, то он читает этот знак, как *la* (этот же знак, в упрощенном виде, сохранил значение *le* и в кипрском силлабаре). Следующий за «*la*» знак (101), как показал Эванс⁵, представляет собой линеализированное упрощение иероглифа, изображающего кальмара ($\kappa\acute{\alpha}\lambda\lambda\mu\alpha$, уменьш. $\kappa\alpha\lambda\lambda\mu\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$, откуда наше слово «кальмар») — слово $\kappa\acute{\alpha}\lambda\lambda\mu\alpha$ также до-греческое; поэтому знак (101) Боссерт читает как *ka*. Последний знак (54) сходен с соответствующим кипрским (оба они представляют собой стилизованное изображение лебеда); его обычно читают как *li*. Получается то же слово *la-ka-ka-li* «пенясь». В первых двух словах египетского папируса: *Senti, Kapupi* Боссерт видит имена популярнейших малоазиатских богов—Сандона и Купапы. Слово *menti* Бранденштейн сближает с греческим $\mu\acute{\iota}\nu\theta\lambda$, «мята» — также словом до-индоевропейского происхождения. Это и есть «сок благоуханного растения», о котором говорится в египетском наставлении (ибо по-гречески мята имеет еще второе название: $\tau\omicron$ $\eta\delta\omicron\sigma\sigma\mu\omicron\nu$, «благоуханное»). В целом Боссерт переводит надпись так: «Сенти, Купапи, пусть этот напиток, эта моча и этот сок мяты пенятся».

По пути, указанному Перссоном, пошел в 1936 г. Э. Милонас⁶. Основываясь на сходстве критских знаков с кипрскими, он пытается прочесть надпись XII века на одном сосуде из Элевсина как греческую. Письмо, которым написана эта надпись, он называет «элладским» и показывает, что в это позднее время критское письмо В было обогащено некоторым числом новых знаков, чтобы выразить звуки, существовав-

¹ В критских документах, как установлено с несомненностью, \oplus означает 1000,

\bigcirc означает 100, — означает 10, \lceil означает 1, так что 1947 пишется так: $\oplus\bigcirc\bigcirc\bigcirc\text{---}|||$
 $\bigcirc\bigcirc\bigcirc\text{---}|||$
 $\bigcirc\bigcirc\bigcirc\text{---}$

² W. Brandenstein, *Kreta (Sprache)*, RE., Suppl. VI, 1934, стл. 205.

³ Только чтение ΠοσειδῆΓενος он изменяет на ΠοσειδῆΓενος и но языковым и по палеографическим соображениям.

⁴ OLZ. 1931, стр. 303 слл.

⁵ *Scripta Minoa*, стб. 204 слл., № 59.

⁶ E. Milonas, *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική*, 1936, стр. 61—100.

шие в греческом и не существовавшие в критском языке. К сожалению, журнал *Εφemeris ἀρχειολογική* мне недоступен, и статья Милонаса известна мне только по краткой рецензии; поэтому дать более полную характеристику дешифровки Милонаса я не могу. С другой стороны подошел к проблеме критского письма в 1940 г. M. G. F. Ventris¹. Присоединяясь к взгляду Перссона, по которому основой для расшифровки критских знаков должен служить кипрский силлабарий, он указывает, что и остатки до-греческого языка в греческом (суффикс -ιϛθ- и т. д.), и отсутствие в кипрском силлабарии особых знаков для звонких согласных, и отсутствие закрытых слогов показывают, что древнекритский язык был близок не к семитским и не к индоевропейским языкам, а к этрусскому и что именно в этом направлении должно вестись исследование. К сожалению, несмотря на то, что этрусские надписи написаны греческим алфавитом, наши познания в этрусском языке еще очень скромны.

В таком положении стоял вопрос о критских надписях, когда, начиная с 1943 г., со своими статьями по этому вопросу выступил профессор Пражского университета Бедржих Грозный, известный своей замечательной дешифровкой хеттских клинописных памятников. Настроение историков и филологов по вопросу о возможности расшифровки критских письмен стало к этому времени весьма пессимистическим: билингвы отсутствуют, язык, на котором написаны эти памятники, или хотя бы группа, к которой этот язык принадлежит, не известны, не известно и фонетическое значение знаков. При таком положении вещей дальнейшие попытки дешифровки критских письмен представлялись безнадежными.

Однако человеческому остроумию и изобретательности нет и не может быть пред-указанных границ, и поэтому никто никогда не вправе утверждать, что и при самых неблагоприятных условиях дешифровка того или иного памятника невозможна. Был ли в более благоприятных условиях Гротефенд, когда взялся за дешифровку клинописи?

В 1943 г. Грозный в своей работе «*Älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens*», вышедшей в Праге, в главе «Критский вопрос и его временное решение», заявил, что проблема критских письмен в основном им разрешена. Правда, он довольно часто употребляет выражения «как мне представляется» и «повидимому», но ряд других утверждений он как в этой, так и в разбираемой нами здесь работе выставляет в совершенно аподиктической форме («Чтение отдельных знаков этой надписи устанавливается с несомненностью» и т. п.)—ключ к проблеме, по его мнению, найден; остается только разработать отдельные частности.

Это предварительное сообщение было только анонсом к большой работе о критских надписях, первая часть которой вышла в июле 1943², вторая— в 1946 г.³; третья часть, содержащая в числе прочего пилосские надписи (см. выше, стр. 71), выводы и указатели, как можно заключить из указаний Грозного во II части, сдана в печать, но до сих пор еще не вышла.

До появления труда Грозного, как мы видим, все попытки дешифровки критских надписей, заслуживающие названия серьезных и научных, имели своим отправным пунктом кипрский силлабарий.

Грозный пошел совершенно иным путем. Хотя в своей «Истории Передней Азии» он и признает, что «значительная часть знаков критского линейного письма поддается дешифровке при помощи кипрского силлабария»,—из 20 сходных знаков он только 7 (25a)=*lo*, (59)=*na*, (44a)=*pa*, (58)=*ta*, (20)=*ni*, (36)=*e*, (11)=*i* сохраняет и для критского письма с тем же значением, какое они имели впоследствии в кипрском силлабарии; другие знаки (см. таблицу I) он объясняет из самых различных письмен: египетского [знаки: *ba*=(54), *u*=(30)] (см. таблицу I), вавилонского клинописного, из протоиндийского и хеттского иероглифического (кстати, до сих пор не получивших общепризнан-

¹ Introducing the Minoan Language, *AJA*, XLIV (1940), № 4, стр. 494—520.

² B. H r o z n y, Kretas und Vorgriechenlands Inschriften, Geschichte und Kultur, I. Archivum Orientale Pragense, XIV (Juli 1943), № 1—2, стр. 117.

³ B. H r o z n y, Les inscriptions Crétoises, II. Archiv Orientalni, XV (1946), №. 3—4, стр. 149—302.

ТАБЛИЦА I

№ № по Звансу	Изображение	Чтение по Грозному	Обоснование Грозного	Соответ. знак кипрсково силлабария	Чтение по силлабария
1	2	3	4	5	6
1		a	Сходно с финик.	-	-
2 ^a		i	ур-ие: (2a)(41)(40) = (2 ^b)(31)(2 ^a)(40)		li, ti
2 ^b		i	Сходно с хеттск. иерогл.	-	-
3		ba	Сходно с финик.	-	-
4		si	Сходно с протосинд.	-	-
5		sa	Сходно с хетт. иерогл. протосинд.	-	-
6		za	Сходно с финик.		ve
7		a	Сходно с хеттск.	-	-
8		a	ур-ие: (44a)(5)(7) = (44a)(5)(8)	-	-
9 и 37		ci	ур-ие: (28)(9)(11)(11) = (28)(41)(11)(11)		si
10		ki	Сходно с финик.	-	-
11		<u>i</u>	Сходно с протосинд. Ручка по семит. „jad“		i
12		ha	ур-ие: (10)(47)(40) = (10)(12)(20)	-	-
13		i	Не объясняет		se
15		ka	Сходно с сабэйским (kaʃ)	-	-

№ № по Эвансу	Изображение	Чтение по Грозному	Обоснование Грозного	Соответств. знак кипрского силлабара	Чтение по силлабарии
1	2	3	4	5	6
16		sa	ур-ие: (49)(2 ^a)(30)(7) = (16)(2 ^a)(30)(7) хеттск. иерогл „пила“, вавил „sassarū“ [критск. (49)(19)(31)(40)]	-	-
17 ^a		ja	вариант		ka
17 ^b		ja	Сходно с хеттск. иерогл с протоинд.		ti
18		ga	ур-ие: (59)(18)(41) = √ [*] (41) Сходство с сем. (gimmel) „Peitsche, Geissel“	-	-
19		sa	ур-ие: (6)(56) = (19)(2 ^a)(7)	-	-
20		<u>ni</u>	Не объясняет		ni
21		<u>la</u>	Нач. слог изображения λάβρος		le
22		ku	Изображение рогов; рог по хеттски „кигли“	-	-
23 ^a		sa	ур-ие: (54)(23 ^a)(35 ^a) = (44 ^a)(5)(7)	-	-
23 ^b		ni	Дифференцировалось из Ψ (№ 47)	-	-
24		<u>gi</u>	Сходно с № 41		ga
25 ^a		<u>lo</u>	Сходство с кипрск.		lo
25 ^b		-	-		ne
26 и 63		ta	ур-ие: (26)(34)(46)(59) = (58)(34)(46)(40) Сходство с фин.	-	-
28		sa	ур-ие: (58)(44 ^b)(60)(7) = (58)(28)(60)(5)		то
29		va	Не объясняет		и

*) По мнению Грозного это - иероглифическое изображение ремесленника читающееся: па-га-ги

№ № по Эвансу	Изображение	Чтение по Грозному	Обоснование Грозного	Соответ. знак кипрского силлабария	Чтение по силлабарии
1	2	3	4	5	6
30		и	Сходство с египетск.		го га
31		га	Вариант (55) сходен с лат. R	—	—
32		са	ур-ие: (58)(32)(60)(5) = (58)(28 ^a)(60)(7)	—	—
34		е	Сходство с хеттск. иерогл. протоиндийским	—	—
35		и	Вариант № 2 ^a (?)	—	—
36		<u>е</u>	Сходство с кипрским		а, е
37		ги	см. № 9	см. № 9	си
38		<u>ра, ро</u>	ур-ие: (44 ^a)(47)(2 ^a)(40) = (38)(47)(2 ^a)(40) Сходство с кипрским		ро
40		па	ур-ие: (26)(34)(46)(59) = (58)(34)(46)(40)	—	—
41		ги	(44 ^a)(58)(41) с изобр. ; ваб „patru“, меч	—	—
44 ^a		<u>ра</u>	Сходство с кипрск.		ра
44 ^b		са	ур-ие: (1)(47)(5) = (56)(47)(44 ^b)	—	—
45 и 47		га	Сходство с хеттск. иерогл. с египетск. греч.		ри
46		та	ур-ие (26)(54)(1)(30)(40) = (46)(52)(30)(40)	—	—
49 и 52		са	ур-ие: (58)(49)(60)(5) = (58)(28)(60)(5)		са
50		ти	Изобр. коровы хеттск. - ти		та
52		ба	ур-ие: (46)(52)(30)(40) = (26)(54)(30)(40)	—	—

№№ по Эвансу	Изображение	Чтение по Грозному	Обоснование Грозного	Соответ. знак кипрского силлабария	Чтение по силлабарю
1	2	3	4	5	6
53		za	см №6	-	-
54		ba	Сходство с египетск.		li
55		ri	Сходство с финик.		to
56		ja	Сходство с хеттск иерогл.	-	-
58		<u>ta</u>	Сходство с кипрск.		ta
59		<u>na</u>	Сходство с кипрск.		na
60		sa	ур-ив: (32)(5)(59) = (60)(60)(36)(40)		pe
61		-	-		zo
62		-	-		tu-
64		hi	ур-ив: (64)(44 ^b)(55) = (45)(44 ^b)(55)	-	-
65		za	ур-ив: (53)(59) = (65)(40)	-	-
67		ba	ур-ив: (8)(67)(45) = (7)(54)(45)	-	-
100		li	Хеттск. иерогл.		ja
101		-	-		ko, ka
		-	-		ti

Сокращения:

- Финик. — финикийский алфавит
 Хеттск клин — хеттское клинописное письмо
 Хеттск. иерогл. — хеттское иероглифическое письмо
 Протоинд. — протоиндийское письмо
 Кипрск. — кипрский силлабарий

Дважды подчеркнуты чтения Грозного, совпадающие с кипрским силлабарием

ной дешифровки). «По моему мнению, критское письмо связано со знаками письменности всех этих групп, которые некогда географически тесно примыкали друг к другу», — замечал он в своей «Истории Передней Азии».

Однако, как можно убедиться из его новой работы (стр. 8), не в этом заключается основная мысль его новой дешифровки. Категорически отвергая попытки систематического истолкования критского письма из кипрского силлабария¹, он исходит прежде всего из предпосылки, что знаки финикийского письма представляют собой лишь видоизменение знаков критского письма: из 22 знаков финикийского письма 17, по его мнению, весьма сходны с критскими. В доказательство он привлекает место Диодора (V, 74), в котором говорится, что финикийцы не выдумали буквы, а лишь видоизменили уже существовавшие. Основываясь на этих предпосылках, Грозный дает транскрипцию и дешифровку около 200 критских надписей, происходящих как из Крита, так и из материка Греции (всего таких надписей уже найдено больше 2000, но опубликована лишь незначительная их часть).

В опубликованных Грозным памятниках встречается 161 знак критского письма, или, если отбросить 35, являющихся лишь вариантами начертания других знаков, то 126. Из этих 126 знаков 32, как справедливо устанавливает Грозный, являются пиктограммами, схематическими зарисовками предмета. Из остальных 94 знаков 4 Грозный считает детерминативами, 5—идеограммами, 2—лигатурами. Остается 83 знака. Из них 3, по его мнению, фактически служат для обозначения не слогов, а согласных звуков, не менее 5 выражают то согласные звуки, то слоги, остальные выражают слоги. Исходя из того, что одни и те же слова (слова в критских надписях отделены друг от друга черточкой) встречаются в различных написаниях, т. е. один из звуков передается различными знаками, а остальные совершенно тождественны, Грозный приходит к выводу, что многие знаки, несходные по начертанию, обозначают один и тот же звук: так, (7), (8) и (1) выражают один и тот же звук *a*, (34) и (36)—один и тот же звук *e*, (11), (2^a) и (2^b)—один и тот же звук *i*, (17^b), (56), (35^a), (35^b),—слог *ja*, (24), (37), (41)—слог *ru*, (21^a), (21^b)—слог *la*, (40^a), (40^b)—звук *n*, (51), (54), (67)—слог *ba*, (44^a), (38), (99)—слог *pa*, (46^a), (46^b), (52^b), (58)—слог *ta*, (10), (101), (22)—слог *ku*, (49), (28), (44^b), (19)—слог *sa*, (5), (23^a), (60), (44^b), (19), (32), (4)—слог *si*, (45), (12), (64)—слог *ha*, (47), (64)—слог *hu*. И, наоборот, один и тот же знак может иметь различное звуковое значение, поскольку значение гласной в слове у Грозного остается часто неопределенным: (25) = *l*, *lo*, *lu*, (60) = *s*, *se*, *si*, (64) = *ha*, *hu*, (47) = *ha*, *hu*, (50) = *me*, *mi*, *mu*, (38) = *pa*, *po*, *pu*, (3) = *ba*, *bu*, (46) = *ta*, *te*, (33) = *ti*, *tu*, (54) = *ba*, *pa*, (19) = *sa*, *si*, *za*, *zi* и т. д. Наряду с открытыми слогами в критском языке встречались, по его реконструкции, и закрытые—в этих случаях конечная согласная (как у кипрских греков) обозначалась особым слоговым знаком, причем его гласная не читалась; с тем же явлением мы встречаемся также, по мнению Грозного, в начале и в конце слов, напр. *ta-ri-i* читается *tri* [= *t(a)-r(i)-i*].

Исходя из такого чтения критских знаков, Грозный приходит к выводу, что язык критян был в основе индоевропейским. Он заключает это из наличия в критском языке индоевропейских корней (см. таблицу II; таких корней, как видно из этой таблицы, он насчитывает 27), из упоминания индоевропейских божеств *Zas*, *Zan*, *Zajas*, греч. Ζᾶς, Ζῆν, Ζεὸς, *La-ta*, греч. Λατῶ. Это, конечно, еще не говорило бы о преобладающем индоевропейском характере языка, ибо Грозный полагает, что он обнаружил не меньшее число и семитических слов: *ta*(lanton), *ja-huz*, брать, *sa-sa-ra-n* = *bab. šaššaru* пила, *hugua*—копать = вав. *hurrū*, *pa-t(a)-ru* = *patru*—нож и т. д. Существеннее то, что грамматика критского языка имеет характерные черты индоевропейского языка: окончание им. ед. ч. *s* в мужском роде (часто отпадающее), *n* в средн. роде и *t* в средн. роде место-

¹ Стр. 8: «Man erhält Worte und Sätze, die kaum möglich sind». Замечание это непонятно, ибо сочетание ряда открытых слогов не может оказаться неудобнопроизносимым, а если, по мнению Грозного, получаются непривычные слова, не сходные со словами других языков, то это свидетельствует лишь о том, что язык Крита не был сходен ни с одним из известных нам языков.

имений, род. ед. ч. *s*, им. мн. *i*, им. мн. средн. рода *ja*, dat. loc. ед. ч. *i*, или *a*, прич. страд. с суффиксом *ta*, повел. накл. 3 лица *mediopassivi*—*ru*, 3-ье лицо индикатива истор. врем. на *ta* (=греч. $\tau\omicron$), наличие ряда характерных суффиксов—*ija* (=греч. $-\iota\epsilon\varsigma$), *-ain* (ср. лат. *in*us, *an*us), *i-ta-s* (- греч. $\iota\tau\eta$), *ja-va-ta-la* ср. хеттск. *-tallas*, русск. (завое)-ватель. Правда, некоторые грамматические формы критского языка по мнению Грозного характерны для семитических языков: окончание 3 л. мн. числа, как в вавилонском, чередования *jahuz*, *ehuz*, *ahuz*, префикс *m*, но Грозный видит во всем этом случайные заимствования, внятые из семитических языков.

Таковы характерные черты дешифровки Грозного. Посмотрим, насколько его открытие является научно убедительным. Начнем с основного его положения: финикийское письмо заимствовано из Крита. Грозному, повидимому, осталось неизвестным, что эта гипотеза выставлена уже в 1905 г. Дюссо в статье *L'origine égéenne des alphabets sémitiques*, JA, стр. 357—361, также на основании сходства некоторых финикийских знаков с критскими. Прежде всего, цифра, даваемая Грозным, по моему мнению, преувеличена: из 22 знаков финикийского письма не 17, а maximum 11 имеют некоторое сходство с критским. В свете новых исследований о происхождении финикийского алфавита через синайское письмо от египетского¹ такое сходство скорее говорило бы об общем источнике, чем о заимствовании. Но дело не в этом, Н. Bauer в своей книге *Der Ursprung des Alphabets* («Der alte Orient»), 1937, показал, что очень часто при заимствовании знаков письма им придается совершенно новое фонетическое значение. Если даже мы допустим непосредственное влияние критского письма на финикийское, это наблюдение окажется особенно верным для настоящего случая. Дело в том, что ряд букв финикийского алфавита акрофонетичен: иероглиф (𐤀) изображает голову быка (*alef); поэтому, став буквой, этот иероглиф получил значение первой буквы слова *alef. Точно так же 𐤁 представляет собой иероглиф дома, beth, поэтому эта буква имеет звуковое значение «b» 𐤃 daleth, «дверь палатки»—первая буква *d* и т. д. Все эти слова *alef, beth, daleth—семитические, финикийские; в критском языке (если он—не семитический), все эти слова, обозначающие изображаемый иероглифом предмет, должны были звучать иначе; поэтому 𐤀 должно было уже соответствовать не звуку *b*, а звуку, выражаемому первой буквой слова, обозначающего «дом» по-критски и т. д. Итак, если бы факт заимствования финикийского письма из критского был установлен², это еще ничего не говорило бы о том, как произносились соответствующие знаки в критском языке³.

Далее, тот факт, что кипрский силлабарий в принципе заимствован из критского письма, не вызывает сомнений и у Грозного. Этот силлабарий, как мы видим, лишь с трудом удалось приспособить к греческому языку; трудность заключалась, как мы видели, во-первых, в том, что в том языке, для которого этот силлабарий был придуман, не ощущалось разницы между глухими и звонкими согласными: для *ba* и *pa* пришлось взять один и тот же знак (44^a), для *ta* и *da* один и тот же знак (58), для *to* и *do*—знак (55) и т. д. Во вторых, этот силлабарий был придуман для языка, в котором все слоги

¹ См. Sethe, Die neuentdeckte Sinai-Inschrift und die Entstehung der semitischen Schrift, Nachrichten der Götting. Gesellschaft der Wiss., 1917, Heft 3; J. Lindblom, Zur Frage der Entstehung des Alphabets, Bulletin de la société royale des lettres de Lund, 1931—1932, стр. 60 слл. и др.

² Ср., кроме Bauer'a, еще Lindblom, у.к.ст., стр. 22: «Dass die kretischen Ideogramme... gar nicht dieselbe Bedeutung wie die entsprechenden phönizischen gehabt haben, spielt in diesem Falle gar keine Rolle. Denn es handelt sich hier zunächst nicht um die Bedeutung, sondern um die äussere Form der Zeichen» (разрядка Линдблома).

³ Свидетельство Диодора (V, 74, 1) в сущности говорит только о том, что знаки письма не были впервые изобретены финикийцами, что они были изобретены еще до них богами (Музами), а финикийцы только придали им новые очертания. Не говоря уже о том, что цель этого места Диодора показать, что все великие открытия сделаны не людьми, а богами, оно утверждает лишь, что какие-то знаки письма существовали уже до финикийцев, а это вообще не подлежит сомнению.

открытые и состоят из согласной и гласной: чтобы умудриться написать закрытый слог, пришлось вместо последней согласной написать какой-нибудь силлабический знак, начинающийся на эту согласную, напр. вместо *lin* писать *li-ni* или *li-ne*. Мы сделали отсюда справедливый вывод, что критяне не имели представления ни о разнице между глухими и звонкими, ни о закрытых слогах—если бы у них были соответствующие знаки, то греки, усвоив их письмо, разумеется воспользовались бы ими. Между тем Грозный в своем восстановлении постулирует для критского языка отдельные знаки для глухих и звонких: (54) и (51)—для *ba*, (44^a)—для *pa*; (18)—для *ga*, (15)—для *ka*; правда, Грозный допускает, что критяне иногда смешивали глухие со звонкими, но зачем же им было в таком случае изобретать разные знаки для тех и других? Он принимает, что в критском языке существовали закрытые слоги, читая некоторые знаки просто как согласные, а другие—то как слоговые, то как согласные. Все это мне представляется невероятным. Поскольку знаки критского и кипрского письма (число слоговых знаков критского письма примерно равно числу знаков кипрского силлабария) надо считать изобретением народа, не отличавшего глухих звуков от звонких и не имевшего закрытых слогов, дешифровка Грозного ошибочна в самом своем основании.

Но победителей не судят. Все эти возражения придется взять назад, если окажется, что при допущениях Грозного все критские тексты дают связный и убедительный контекст. К сожалению, третья часть труда Грозного мне еще не доступна, а в третьей части должен содержаться и новый богатый материал, и словарь, и каталог знаков, и выводы. Пока я вынужден рассуждать, основываясь только на материале, содержащемся в первых двух выпусках. Как же обстоит дело в свете этого материала?

Дешифровка Грозного подтверждает заключение, давно уже сделанное рядом ученых, что ни одни из дошедших до нас критских текстов не представляет собой связного повествования. Это или очень краткие тексты посвящения предметам богам, или всякого рода счета, наряды и расписки. Большая часть слов представляет собой собственные имена—личные или географические; слова нарицательные представляют собой краткие замечания вроде: «посвящение», «уплата налога», «взято», «получено» и т. п. Если к этому присоединить, что Грозный часто придает разным знакам одно и то же значение и, наоборот, одному знаку—различные значения, то создается такое положение, при котором как бы то ни было контроль или самопроверка становятся невозможными. Тот факт, что один и тот же знак имеет различные звуковые значения («полифония») и что, наоборот, различные знаки имеют одно и то же звуковое значение («полиграфия») сам по себе вполне возможен—с таким фактом мы встречаемся в вавилонской клинописи, и в некоторых случаях Грозный, вероятно, прав¹. Но, если, например, 13 различных знаков выражают слог »*si*», семь—звук *la* и т. д., то толкователю не так уж трудно каждый раз вычитывать из текста то, что ему априорно кажется подходящим; с различием в гласных он может и вовсе не считаться, так как сплошь и рядом у него один и тот же знак служит для обозначения определенной согласной + различные гласные, например (5)—и *sa* и *si*, (44)—и *s* и *sa* и *si* и *za* и т. д. (см. выше, стр. 78).

Какие же убедительные доводы заставили Грозного предположить, что ряду различных знаков в критском алфавите соответствует одинаковое звучание? Он достигает этого сопоставлением слов, имеющих, повидимому, одинаковое значение, но разную орфографию (см. таблицу I), например, на целом ряде посвящаемых предметов читается посвятельная надпись, которая, по правдоподобному предположению Грозного, означает посвящение (Грозный читает это слово (*ta-ia-na*). В этом слове (№ 1 Грозного) чтение первого знака (58)—*ta* (и, кажется, третьего (59)—*na*) твердо установлено, поскольку оно совпадает с кипрским, но средний знак пишется по-разному: то (58) (17^a) (59), то (58) (35^b) (59), то (58) (56) (59). Отсюда Грозный делает вывод, что все эти три знака—и (17^a) и (35^b) и (56) обозначают слог *ja*. Однако, в совершенно аналогичном случае—в слове, которое Грозный понимает, как «сосуд для воз-

¹ Например, мне кажется убедительным его утверждение, что (58), (46), (26) изображают тождественные или близкие друг к другу звуки (*ta*).

лияний»—читается то (21), (47), (31) (№ 3 и 4), то (21) (23^b) (17) (31) (№ 5). Рассуждая по методу, примененному в надписи № 1, мы должны считать, что знак (47) имеет то же звуковое значение, что и знаки (23^a) (17). Между тем Грозный справедливо усматривает в этом случае не одно и то же слово, а разные грамматические формы одного и того же слова, т. е. обычное и в семитических, и в индоевропейских языках чередование звуков (Ablaut), и читает в первом случае *la-hu-ra*, а во втором—*la-hi-ja-ra* (ср «пир-у-ю», «пир-ова-ть»). Почему же не объяснять таким же чередованием и наличие параллельных форм: 1) (58), (17^a), (59), скажем, *ta-ja-na*, 2) (58) (35^a) (59), пусть, напр. *ta-ou-na* и 3) (58), (56), (59), пусть, скажем, *ta-u-na*. Но если это так, то весь вывод Грозного отпадает и окажется, что о значении знаков (35^a) и (56) мы ничего не знаем. Точно так же, если мы поверим Грозному, что слова (56) (47) (44^a) (это слово он читает *a-hu-z*) и (1) (47) (5) (его он читает *a-hu-z*), стоящие в одной и той же надписи в одной и той же связи, оба означают «он получил», но имеют различные префиксы (56) и (1), то не проще ли допустить, что здесь (44^a) и (5) окончания разных форм одного и того же слова, чем видеть в них разные обозначения одного и того же звука? В тех случаях, где речь идет о первом знаке слова, мы в аналогичных случаях можем усматривать не разные знаки для одних и тех же звуков, а различные префиксы и т. д.

К каким ошибкам приводит метод Грозного, можно видеть из следующего. До нас дошел ряд приношений баранов и овец (№ 126 и до конца собрания). Из того, что общее число приносимых животных обычно 100, реже 50 или 200, уже Сундвалл справедливо заключил, что мы имеем здесь нечто аналогичное греческой гекатомбе. Эти приношения записываются по определенному трафарету—можно даже сказать, на определенных бланки, так как писцы заранее готовят эти трафареты (это видно из того, что иногда ненужные рубрики остаются вовсе незаполненными или на них ставится крест, соответствующий нашему прочеркиванию горизонтальной чертой¹). Таблички интересующего нас типа разделены горизонтальной линией на две графы, между которыми распределяется принесенная «гекатомба». Верхняя графа озаглавлена (58) (17^a) (59) или (58) (35) (59) (эти слова Грозный читает, как *ta-ja-na*) или (58) (34) (46) (40) (Грозный: *ta-e-ta-n*); нижняя—(32) (23^a) (59) или (32), (5), (59) (Грозный: *se-si-n*). Но в одной из надписей—№ 144—читается (60) (60) (36) (40), и это дает Грозному основание заключить, что и здесь мы имеем дело с другим начертанием того же слова, и составить уравнение (стр. 38—39: «Die Gleichung»): (32)=(60)=(23^a)=(5)=s. Но он не обратил внимания на то, что верхняя графа (помеченная обычно словом (58) (17^a) (59) и нижняя графа [помеченная обычно (32) (23^a) (59) или (47) (15) (59) или (2) (30) (59) и т. п.] имеют разное значение: в верхнюю записываются обыкновенные бараны и овцы, в нижнюю—только бараны, отмеченные особыми отличительными эпитетами: (64) или (17), или (15), или (44^a), или (27). И вот, в то время, как слово (32) (23^a) (59) встречается только в нижней «привилегированной» графе, слово (60) (60) (36) (40) в надписи. 144—в верхней; значит, оно близко по смыслу вовсе не к (32) (23^a) (59), а к (58) (17^a) (59), и все «уравнение» Грозного оказывается неверным.

Да и вообще в этих случаях Грозный поступает непоследовательно, усматривая в совершенно аналогичных случаях один раз тождественность различных знаков, другой раз—чередование звуков. Конечно, такая непоследовательность могла иметь место в действительности, и нельзя исключить возможность того, что Грозный может оказаться прав, но представленный им материал в этом нас отнюдь не убеждает.

Итак, правильность звуковых транскрипций Грозного нисколько не доказана, и если о значении ряда нарицательных слов в опубликованных им надписях иногда можно строить довольно правдоподобные предположения, не зная вовсе, как они зву-

¹ См. А. J. Evans, *The Palace of Minos*, т. IV, ч. 2, L., 1935, стр. 695: «The whole surface was marked out with (the cross-lines)... as a preliminary to the insertion of the written records, which was often only partly filled in. Evidently the tablets were supplied in this state to the clerk...»

чали, или зная лишь звучание отдельных слогов, то о географических именах (составляющих по его транскрипции $\frac{3}{4}$ всех слов) и вовсе ничего нельзя сказать, и все сделанные Грозным выводы географического характера остаются пока висеть в воздухе.

Во всех этих случаях нельзя не считаться с большой опасностью, состоящей в том, что Грозный, располагая широкими возможностями различной транскрипции знаков и видя в критском языке смесь всевозможных—индоевропейских, семитических, малоазиатских и других элементов, решает уравнение со многими неизвестными, допускающее бесконечное число решений и поэтому невольно свои априорные предпосылки вносит в свою транскрипцию и в свое толкование, получая в виде результата то, что было предпосылкой, т. е. допуская *circulus vitiosus*. В этом случае его виртуозное знание самых различных языков и грамматик и возможность с легкостью найти где-либо форму, созвучную выводу, полученному им априорно, может принести ему вместо пользы большой вред.

Почувительный пример. В фиванской надписи № 1 (58) (45) (54) (17) Грозный читает *T-ha-ba-ja* и видит в этом слово $\Theta\eta\beta\alpha$, «Фивы». Другое слово тоже на надписи из Фив (стр. 12): (46) (52) (2) (7), не имеющее ни одного общего знака с первым, он читает *Ta-ba-i-a* и считает лишь другой орфографией первого, точно так же слово (26) (51) (2) (40) (40). по его чтению, *Ta-ba-i-na-n* написанное уже с начальным знаком (26), напоминающим греческую ϑ , он переводит как «Фиванский». Но написанное в одной из фиванских же надписей совершенно сходное с этими словами слово (26) (54) (42) (30) (40) (по его чтению *ta-ba-ru-u-n*) он понимает как «дом двойного топора, лабиринт», считая, что в этом случае знак (26) выражает характерный для малоазиатских языков звук *tl*, который в клинописи транскрибируется то как *t*, то как *l* (см. стр. 33, 38 слл. его книги). Поэтому, ему кажется вполне естественным, что слово (26) (54) (42) (30) (40) *Ta-ba-ru-u-n* сокращенно обозначается идеограммой (21)—«двойной топор», означающей, однако, в то же время в силлабрии не звук *ta*, а звук *la*. Но выше он отождествил знак (26) = *ta* с двумя знаками (58) (45) = *t-ha*, т. е. допустил, что этот звук читался не как *tl*, а как греческое ϑ , *th*. В довершение путаницы он считает, что самое слово Фивы первоначально звучало: *T(l)a-b(r)a-ja* и означало: «принадлежащий двойному топору», а затем потеряло *l* и *r*. Но откуда же в этом случае вылся *h*? Такие несерьезные грамматические ухищрения, хорошо нам знакомые из других аналогичных попыток и дающие возможность притти к любому выводу, недостойны такого замечательного исследователя, как Грозный, и являются, несомненно, плодом увлечения *idée fixe*!

Разумеется, все сказанное весьма ослабляет убедительность сделанных Грозным широких культурно-исторических выводов. См., напр., стр. 9: «Этнический состав критского населения был пестрым, подобно тому, как пестры многосторонние связи критского письма. Это была настоящая смесь многочисленных народов и рас Переднего Востока, сдерживаемая вместе господствующим слоем индоевропейских покорителей». Ср. также его указания на большое влияние на Крите семитической культуры.

Даже если бы все языковые выводы Грозного оказались верными, то из наличия в критском языке, наряду с семитическими, индоевропейских корней и индоевропейских окончаний, еще никак нельзя было бы заключить, что индоевропейцы были на Крите господствующим слоем и покорителями. Но, в действительности, оказалось, что и звуковая транскрипция Грозного недоказательна. Как можно видеть из моих примечаний к табл. II, можно принять только данное Грозным чтение и перевод слов *po-lo* (38) (25^a) жеребенок, *nał* и *nanit*, (59) (58) и (59) (20) (46), «этот, эти» (тождественно с хеттским клинописным). Но никто не доказал, что слова *nał* и *nanit* в хеттском клинописном языке индоевропейского происхождения; как известно, значительная часть корней этого языка не индоевропейского, а малоазийского, «пеласгского», происхождения.

Я добавил бы еще слово, с большой вероятностью читающееся в критских надписях. Мы вправе утверждать, что в критском языке «нозел» назывался словом, сходным с греческим $\tau\rho\upsilon\zeta\sigma$. Как указывает Эванс (op. cit., IV, 2, стр. 713), в иероглифическом

хеттском голова козла расшифровывается как соответствие клинописному Tarcon, первой части обычного имени киликийских царей. Уже Эванс указал, что «ввиду исключительно близкой связи, которая, по видимому, существовала между Критом и первобытным населением Киликии и примыкающего к ней побережья», мы имеем полное право постулировать это слово и на Крите. Я прибавлю к этому еще то, что, как указывает Кречмер¹, в критских надписях из города Прлосс, написанных греческими буквами на до-греческом критском языке (надп. 3), читается Τάρκων ... с характерным до-греческим суффиксом-*mv*-.² С другой стороны, в критской надписи интересующей нас эпохи (шрифт В Эванс, ук. м., fig. 696 g) читается (58) (40). Идеограмме, изображающей козла, соответствует в критском иероглифическом *знак* головы козла (ср. хеттский иероглифический). Фонетические супплекменты (58) *ta-* в начале и (40)-*na* в конце показывают, что слово это надо читать *ta-tarakona-na* полное соответствие греческому τράκος. Но слово τράκος, *ковел*, в греческом языке не индоевропейского происхождения; оно встречается (см. Кречмер, там же) как этникон в канисийских хеттских надписях и тождественно с этрусским Tarquinus (Τάρκων—мифический основатель Тарквиний!). И этот случай еще раз указывает на родство критского языка с этрусским.

Если звучание критских слов остается почти неизвестным, то единственное, что мы можем сказать о критском языке, это—то, что в нем для образования форм, кроме префиксов и чередования звуков внутри слова, применялась и целая система окончаний³. Но эти особенности свойственны и семитическим (имевшим в древнее время также и падежные окончания) и индоевропейским, и многим другим языкам. Отсутствие разницы между звонкими и глухими в кипрском силлабарии, суффикс-*ivd-* в сохранившихся критских словах и словах догреческого населения Балканского п-ва, делают и после работ Грозного наиболее вероятным, что критский язык был близок не к семитическим и не к индоевропейским языкам, а к этрусскому (см. Ventris, ук. ст., стр. 501). Дочесший до нас из Египта древнекритский заговор (см. выше, стр. 70) также имеет характерный суффикс *nti*; все слоги в нем открытые (если не считать *n*, служащего для обозначения предшествующей ему навалированной гласной); он не содержит звонких согласных и к тому же не поддается истолкованию из семитических или индоевропейских языков.

Более того: и вообще язык ничего не говорит о расовом характере того или иного народа. Ventris в указанной статье, вышедшей еще в 1940 г., до статей Грозного, справедливо замечал: «Нет нужды пытаться подтвердить чисто-лингвистические выводы какими бы то ни было фактами расового или культурного характера, так как ни то, ни другое не может служить надежным доказательством языковых связей».

Позволю себе сделать еще несколько частных возражений. В эпитете баранов одной из высших категорий (№ 139, 144, 159) (44a) Грозный (II, стр. 260) усматривает сокращение *vm*. (44a) (54) (7) (ср. ниже, стр. 86). Последнее слово встречается только в надписи 60 и в строке 10 надписи 179a, причем в этих табличках о баранах ничего не говорится. Кроме того, как показала А. Е. Кобер в статье «The «adze» tablets from Knossos», AJA, 48 (1944), №. 1, стр. 70—71 (Грозному она осталась неизвестной), слово (44a) (54) (7) встречается еще 2 раза в критских надписях: в надписи G. Maraghianis, Antiquités Crétoises, Troisième série, 1915, табл. XXIX, и в публикуемой самой Кобер на стр. 70 надписи № 4. Ни в одном из этих документов нет ни слова ни о баранах, ни о скотине вообще. Однако надпись из Пилоса, fig. № 8 в AJA, XLIII (1939), стр. 565, содержит список приношений баранов, овец и коров; в то время, как пиктограмма коровы здесь в обоих засвидетельствованных случаях не сопровождается ника-

¹ P. Kretschmer, Sprache, 74 у Gercke und Norden, Einleitung in die Altertumsw., 1923, I, 6.

² В надписи из Горгиипии (нынешней Анапы) IOSPE, II, 402, строка 42 упомянуто лицо малоазиатского происхождения τράκος.

³ Эта система окончаний тщательно разобрана А. Е. Кобер в статье «Inflection in linear class B, I. Declension», AJA, L (1946), №. 2, стр. 268—276.

ТАБЛИЦА II

Индоевропейские корни в критском языке по Б. Грозному

Начертание	Транскрипция и перевод по Б. Грозному	Индоевропейские соответствия	Чтение на основе кипрского силлабария
1. (8) (8) (26) № 179 А	a-a-ta, «еда»	и.-е. *ed.-	?
2. (1) (30) (26) № 79—82	a-u-ta, «было осмотрено»	хеттск. клин. au(š), «смотрю», ta =греч. τό	?-го-?
3. (36) (54) № 123	e-ba, «для»	хеттск. иерогл. е-ра, греч. ἐπί	a-li
4. (47) (28) № 25	u-s, «сосуд для возлия- ния»	и.-е. *gheu, греч. ῥόος, ῥίω	pu-mo
5. (56) (8) № 44—45	ja-a, «мальчик»	и.-е. *jeu-, лат. iunior, русск. «юный»	?
6. (56) (11) № 94—97	ja-i, п. pl. «эти»	и.-е. jas, греч. ἄς, слав. якъ	?-i
7. (35 ^a) (11) (29) (20) № 85 (56) (11) (46 ^a) (9) № 113	ja-i-va-ni, «мы делаем» ja-i-ta-gu, 3 л. мн. ч. пов. стр. вал.: «пусть они будут сделаны»	хеттск. клин. ijavvani, ijaveni, «мы сделаем»	?-i-u-to ?-i-?-si
8. (15) (8) (45 ^a) (7) № 41	ka-a-sa-ā, «они рубят»	и.-е. *kes, «резать»	?-va-?
9. (10) (47) (40) № 157 (10) (12) (20) № 174	qu-ha-n, «кухня» qu-ha-ni, «кухне»	*req ⁿ , лат. соquo, русск. «кухня»	?- pu-na ?-?-ni
10. (10) (36) № 41, л. 12, 20, 42—5 раз (10?) (11) (36) (7)	qu-e, «который» qu(?)-i-e-a, «которые»	лат. qui	?- a ?-i-a-?
11. В (9) (47) (7) (37) № 66—69	ma-gu-ha-a-gu, 3 л. мн. числа пов. стр. вал. «пусть они будут смазаны»	греч. μαρῖνω, русск. «марать»	?-si-pu-?-si
12. (59) (52) (56) № 85	na-ba-ja, «середина колеса», «пуп»	инд. nabhya, нем. Nabel, фр. nombril, греч. ὀμφαλός, лат. ombilicus	na-?-?
13. (40) (2 ^a) (46 ^a) (7) (60) № 174	na-i-ta-a-s, part. perf. «послано»	хеттск. клин. nai-, пе-, «по- сылать» (с суфф. part. perf. -ta)	na-lu-?-?-pe
14. (59) (58) № 41, л. 24; ср. № 103, 179, 98	na-t (a), «это» (ср. род)	хеттск. клин. na-t (t—суффикс ср. рода)	na-ta

ТАБЛИЦА II (Продолжение)

Начертание	Транскрипция и перевод по Б. Грозному	Индоевропейские соответствия	Чтение на основе кипрского силлабария
15. (59) (20) (58) № 102; ср. № 41, л. 19 (59) (20) (49) № 212—213	na-ni-t(a), »эти» мн. ч. ср. р. от предыдущего, na-ni-s(a) мн. ч. м. р. от пре- дыдущего	хеттск. клин. panis, pani	na-ni-ta na-ni-ma
16. (38) (25 ^a) № 61—2 раза	po-lo (изобр. жере- бенка), «жеребенок»	греч. πῶλος лат. pullus фр. poulain гот. fula нем. Fohlen	po-lo
17. (31) (17 ^a) (1) № 45 (31) (9) (40) (1) № 45	ra-ja-a, «молодой» ra-gu-n-a. «более молодой»	и.-е.*er-,*ere, чешск. řidky	?-ka-? ?-sī-?-?
18. (55) (35 ^a) (63) (60) № 51, 6	ri-ja-ta-s, «конница»	нем. Reiterei и т. д.	to-?-?-pe
19. (37) (30) (46 ^b) (40)	ru-u-ta-n, «колесо»	и.-е. reth, лат. rota	si-ro-?-?
20. (49) (54) с разл. оконч. № 61, 66, 68, 75, 86	sa-ba, «осматривать»	и.-е.*sar	va-li
21. (60) № 86, 111 (энклитика)	se, «себя, ся»	хеттск. клин.-še,-ši русск. «ся»	pe
22. (46 ^b) № 160	ta, «для»	и.-е.*de,*do, avest. da, греч.-δῆς готск. tō, zuo, русск. «до»	?
23. (58) (17 ^a) (59), (58) (35 ^b) (59) № 1, 126, 127, 170 (58) (34) (46 ^a) (40) part. pass.	ta-ja-na, «приношение для нас» ta-e-tan, «принесенное, пода- ренное, посвящен- ное»	греч. τίθημι лат. (circum) do	?-ti-na ?-?-na ?-?-u-?
24. (26) (44 ^a) (25 ^a) № 2	ṭa-ra-l, «двойной»	лат. duplum	?-?-lo
25. (58) (53) № 51, л. 3	ta-za, «вторично»	греч. δῖς	ta-?
26. (26) (55) (11) № 2	t-ri-i, «три»,	и.-е.*tri	?-lo-i
27. (30 ^b) (7) (16) (5) № 10	u-a-te-s, «птица вещая»	лат. vates, гадатель по птицам; хеттск. перогл. vattaēš, птица	ro-?-?-?

ким эпитетом, за пиктограммой барана и овцы всегда следует эпитет (44^a) (25)¹. Поэтому весьма вероятно, что (44^a)—сокращенный термин (44^a) (25). Так же неубедительно утверждение Грозного, что эпитет барана (64) есть сокращение термина (64) (18), неоднократно встречающегося в надп. из Пилоса, fig. 10 в АЖА, там же, стр. 568^a. Но здесь, как и в надписи fig. 9 (там же, стр. 567) слово (64) (18) всегда стоит перед пиктограммой , сопровождающейся числовым обозначением. Эта пиктограмма на идеограмму барана совершенно не похожа. Зато этот знак постоянно встречается рядом с идеограммой «шафрана» в надписях e, f и h на стр. 71 в указанной книге Эванса (напр. 402 52). Очевидно, это идеограмма какого-то садового или огородного растения³ и эпитет (64) (18) является скорее всего названием мака или какого-то его сорта по критски; предположение Грозного, что таков же был эпитет высокосортных баранов, лишено поэтому основания. Однако Грозный не заметил, что в нижней графе надписей о баранах вместо обычного (23^a) (15) (59) (64) (напр., № 138) или (2) (30) (59) (64) (напр., № 142) в одном случае читается полностью (2) (30) (59) (64) (30) (44^a) (40) (№ 141); поэтому (64)—не есть сокращенный термин (64) (18), применяющийся в дошедших до нас надписях только к садовому растению, а сокращенный термин (64) (30) (44^a) (40), что бы он ни означал⁴.

Непоследовательностью со стороны Грозного является и то, что одни и те же слова он в одних местах считает географическими названиями, в других нарицательными словами. Так слово (44^a) (54) (7) (№ 179 A, l. 10) Грозный (ч. II, стр. 298) переводит: une livraison destinée à la table «поставка для стола». В указанной пилосской надписи (fig. 11, № 214 будущей III части Грозного), строка 2, в слове (44) (54) (60) (35) он видит пом. plur. от того же слова и переводит его «les livraisons du tribut en aliments». Но в надп. Evans, стр. 783, fig. 672, bis b, и 788, fig. 763^m (= № 60 собрания Грозного) в том же слове (44) (54) (7) он видит географическое название. Точно так же, как мы видели выше, (прим. 1) слово (44^a) (25) в пилосской надп. fig. 8 он понимает как «domain, champ» (ч. II, стр. 298), а в надп. 145 (ч. II, стр. 169) как «nom de lieu». Конечно, такое

¹ Эта надпись войдет в III выпуск работы Грозного под № 211. Пока он (ч. II, стр. 269, к № 145) довольствуется замечанием, что (44^a) (25) означает «domain, champ. т. е. относит это слово не к концу каждого предложения, а к началу следующего. Но это мало вероятно, ибо в этих случаях остается непонятным, почему как раз в предложениях, следующих за наименованием коров, слово (44^a) (25) отсутствует.

² На стр. 89 ч. I Грозный дает другое, противоречащее этому толкование надписи, усматривая в этой надписи раскладку взносов семян шафрана (?).

³ Судя по закрытой форме коробочки, я склонен видеть в этой идеограмме схематическое изображение мака. Мак был символом и атрибутом богини Деметры (культ которой восходит к критско-микенской эпохе); мак был ей посвящен, в частности в М. Азии (в Гиераполе Фригийском), и жрецы ее носили мак, как символ своей должности; маком же были украшены и алтари этой богини. Греческое слово μήκων, «мак», до-индоевропейского происхождения; характерно, что город Сикион с одним из стариннейших культов Деметры в древнейшее время назывался Μήκωνη «город маков», ибо здесь по преданию Деметра впервые нашла мак и при помощи мака успокоила свою тоску по потерянной дочери (Servius, ad Verg. Georg., I, 78, 212; Myth. Vat; III, 7); ср. Verg. Georg., I, 78; Lethaeo perfusa papavera somno. Ср. старинную греческую клятву маком (Suid., s. v. μα): $\mu\acute{\alpha}\iota\ \mu\acute{\alpha}\iota\ \mu\acute{\alpha}\ \mu\acute{\eta}\kappa\omega\nu\omicron\varsigma\ \chi\lambda\omicron\rho\eta\iota$. Мак был также символом критской богини Реи (Купаны). См. G r u p p e, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, Münch., 1906, стр. 1179, пр. 1, 1542, пр. 1. Регулярно организованные приношения шафрана или мака в государственных или храмовые святилища объясняются скорее всего тем, что из первого приготавлилась дорогая краска, а из мака, судя по приведенным свидетельствам, какое-то снотворное снадобье, вроде опиума; и то, и другое имело религиозное значение.

⁴ Отсутствие пиктограммы барана и цифры после этого термина вполне обычно: его нет также в надп. 140 после (2) (30) (59), в надп. 135 и 137 после слова (23^a) (15) (59), в надп. 151 после слова (10) (54); в надп. № 148 и 149 вместо пиктограммы и цифры стоит x. Во всех этих случаях формуляр был заготовлен заранее, а цифра не проставлена за отсутствием объектов данной категории.

случайное совпадение возможно, но, допуская его, Грозный делает свое построение еще более проблематичным.

Можно ли, однако, сказать, что Грозный потратил время напрасно и что произведенная им работа не дала ничего для науки? Ни в каком случае. Звуковое обозначение всех дошедших до нас знаков, пусть в большинстве случаев провизорное и пока неубедительное, дало ему возможность привести в порядок весь разнообразный материал и легче понять и осмыслить связи, которые иначе ускользнули бы от внимания. Он доказал с несомненностью, что многочисленные приведенные им надписи греческого материка (из Фив, Элевсина, найденные в 1939 г. надписи из Пилоса в Мессении) написаны не на греческом, а на критском языке, т. е. что на материке Греции были многочисленные колонии критян. Он показал, какое огромное прекрасно организованное хозяйство с замечательно поставленным бухгалтерским учетом и точным указанием веса и цены было на Крите (соответствующие надписи написаны по большей части пиктографически, и потому их толкование не стоит в зависимости от дешифровки Грозным слоговых знаков); мы видим, как целый ряд общин по регулярно действующему расписанию присылает налоги натурой и металлическими слитками, а также людей; эти же общины присылают мужчин, женщин, мальчиков, девочек и младенцев, быть может, в качестве посвящения божеству—имеется ли в виду иеродулия или человеческие жертвоприношения, сказать трудно. Конечно, мы пока еще не вправе определенно сопоставить эти сообщения с известной из мифа отправкой афинских мальчиков и девочек минотавру на Крит; Грозному не удалось доказать, что перечисляемые в надписи пункты не все лежали на Крите, а его чтение «Аххийва на реке Инахе» остается произвольным. Мы читаем о регулярных богатых приношениях баранов и овец разного сорта, общее число которых обычно 100 (реже 50 или 200)—несомненный прототип греческих гекатомб. Если мы до сих пор считали критян невоинственным народом, в виду отсутствия городских стен и военной тематики в их искусстве, то из этих надписей мы узнаем о больших складах оружия—панцирей, копий, мечей и, главное, боевых колесниц, повидимому, с пилами, прикрепленными к осям и спицам колес—наподобие позднейших персидских колесниц с косами. Отсюда мы видим, что отсутствие городских стен и военной тематики в искусстве были обусловлены на Крите в течение ряда поколений столь подавляющей военной мощью, что серьезно опасаться чьих-либо нападений не было оснований¹.

Итак, опубликованные Грозным надписи показали, что Крит был большим образцово организованным централизованным государством.

Но кроме этих культурно-исторических выводов, работа Грозного имеет и непосредственное значение. Он сопоставил огромный материал, сблизил сходные слова и выражения в различных текстах, выделил детерминативы и идеограммы; несколько слоговых знаков (11) (46) (26) (59) (20²), им, повидимому, прочтены правильно. Правда, он не успел составить силлабария и конкордации, но после того, что он сделал—это уже чисто техническая, механическая работа, которая мной и проделана. Можно надеяться, что в результате упорного коллективного труда ряда исследователей вся эта проблема будет в конце концов разрешена либо подтверждением транскрипции Грозного, либо указанием другого, более правильного пути. Пока остается в силе замечание Е. А. Кобер (Cryptographs of Crete, AJA, 48 (1944), стр. 64; 49 (1945), стр. 143; 50 (1946), стр. 268) «Окончательная расшифровка все еще дело будущего». Поразительно, что Кобер, впервые привлекая несколько новых надписей по копиям Нью-Йоркского Metropolitan Museum, ни слова не говорит о Грозном: либо работа Грозного осталась ей неизвестной, либо она умышленно игнорирует эту работу.

Проф. С. Я. Лурье

¹ Все надписи военного содержания относятся притом к XIV в., когда могущество и авторитет Крита пошатнулись и ему стала непосредственно угрожать опасность вторжения с греческого материка.